

Видение чаши Святого Грааля.

— Вы какого года, Александр Иванович? О, я вам в сыновья гожусь! — говорит отец Николай, возвышаясь надо мной отвесным утесом. В нем два метра роста и метр поперек. Но, несмотря на тучность, он быстр в движениях. Облачает в боксерские перчатки сына, себя и ловко подставляет бока под его комариные удары. «Сдаюсь! Сдаюсь!» — кричит он, запыхавшись, и плюхается на диван.

— Надо бы бегать начать, а то я совсем обегемотился. Но прихожане мои испугаются, разбегутся от бегающего батюшки, — улыбается он. — Степенство и благолепие, по их мнению, — враг спортивным упражнениям. Это пасторы там всякие и ксендзы катаются на велосипедах, а для нас, православных, сие есть кощунство.

Книжные полки в его кабинете пленили меня с первого взгляда. Рядом с «Добротопубием» и Святыми отцами соседствуют Федотов, Бердяев, Марцинковский, Александр Мень.

— Я все книги Александра Меня прочитал, ничего антиправославного в них не нахожу. Как, между прочим, и наш владыка или моя матушка Елена. А им доверять можно.

Четырехглавый нарядный собор, в котором отец Николай служит настоятелем, воздвигнут в конце XVII столетия во славу примирения России с Польшей. Воздвигнут на холме, на месте бывшего языческого капища. Именно о таком храме пишет Александр Мень в книге, посвященной богослужению восточной церкви: «...многоглавые соборы XVI — XVII веков с их галереями, приделами, нарядной изукрашенностью. Здесь, как и в готике, идея соборности, единства мироздания была воплощена в праздничной декоративности, вынесенной наружу».

Настоятель подстать этому красавцу — оба величественны и доступны.

Рядом с собором помещался женский монастырь, разоренный в 1937 году. Монахинь увезли в лес... Оставшихся в живых бросили в тюрьму. А одну взял в жены бывший пастух — начальник губчека. Каждый день сек ее кнутом — недолго она прожила под его ласками.

Давно нет стен монастыря, а остатки забора вокруг храма сползли в глубокий овраг. Место это красивое, привлекательное — особенно для парочек по ночам. Сторож гоняет их, как мартовских кошек, — скамеек им в парке мало, нужно обязательно на паперти разложиться?

Выходит иногда на ночной дозор и сам батюшка. Он не из робкого десятка. Порядок старается держать во всем. В храме из деревянных копилочек вдруг стали пропадать деньги. Доступ в пустой храм имели только два человека. Вычислить жулика было нетрудно. Им оказался плотник, запойный пьяница, дважды судимый. «Пришлось его немножко поколотить», — смущенно признается отец Николай.

Предки его — купцы, торговавшие на Волге, — имели свои магазины во многих городах. Советская власть род пресекла. Мальчик воспитывался у бабушки. Она и приохотила его к церкви.

Зато матушка Елена унаследовала старинную, на триста лет ветвящуюся со стороны отца и матери священническую фамилию. Ровность характера, невозмутимость на грани бесстрастия достались ей по наследству. «Да — да, нет — нет» — вот ее исчерпывающие ответы по телефону, которые могут показаться безучастными. На самом же деле это форма смиренного доброжелательства, обусловленная порою просто недостатком времени. На ней все домашнее хозяйство — и огород, и скотина, и стирка; двое детишек и кухня. Ведет она его несуетно и экономно. Я хотел с ней расплатиться за какую-то мелочь: то ли за молоко, то ли за автобусные талоны. «Что вы, что вы, нехорошо мелкие деньги отдавать», — отказалась она.

В отце Николае энергия бурлит с вулканической силой. Недаром же он поставлен благочинным. Владыка бросает его в самые ненадежные приходы епархии. И он своей расторопностью, миролюбием, авторитетом латает их, как прорванный бредень. На его счету два отреставрированных храма и один построенный с нуля.

По-хозяйски, не потеряв ни крошки, он распорядился гуманитарной помощью, полученной от американцев. Немедленно раскидал по приходам, а часть оставил в соборе на общие трапезы, на агапы. По воскресеньям собирается катехизаторская группа — будет чем ее подкормить, кроме Слова Божия.

Дома его застанешь редко. В этот раз он решил проведать дальний приход, заодно подбросить «помощь» — мешок риса и шесть банок растительного масла. Старухи наверняка нуждаются в той деревеньке, в пяти километрах от которой стоит храм Николая Чудотворца. Отец иеромонах Феофил отслужит обедню, рюкзак на плечо и — по монастырям до следующего воскресенья, а то и праздника. Большой любитель по монастырям ездить. Деревенька до недавнего времени была знаменита целительницей Агафьей. Сама больная с детства, с постели не сходила, а людей вылечивала. Водичку раздавала по капелькам, а вот Евангелие читать запрещала. В народе ее считают святой. Паломники шли и зимой и летом к ее кровати, как теперь к могиле... А к Феофилу кто ж пойдет, раз он такой непоседливый.

Двери его дома открыты. Ни души. Открыт и курятник. И там пусто. И только в сарае мы нашли Стаса. Стас живет летом при церкви, вроде сторожа. А на зиму перебирается в город, к отцу Николаю в собор. Стас — редкостный звонарь. Нигде не учился, а звоны знает превосходно. Его звон ни с чьим не спутаешь.

— Но он блаженный, у него что-то с головой, — сказал отец Николай и громко постукал себя по темени. — Мать, когда его родила, шибко гуляла, водила мужиков, а его запирала на балконе, чтобы не мешал. Вот он с тех пор, говорят, и тронулся.

Тишина... Рядом погост, где похоронен священник, умученный от большевиков. Еле приметная лесная дорога. И все это — деревянный храм с висячим замком, отворенный настежь дом священника, железные ограды вокруг могил (зачем здесь ограды?) и сами могилы — все увито высокой спутанной травой. Как будто гигантский паук поработал в этом уголке России и затянул его глухим разнотравьем.

— Стас, отопри нам храм, — попросил отец Николай, желая показать мне хорошо сохранившуюся живопись.

— У меня ключей нет, — тихо молвил Стас.

— Нехорошо, что тебе ключи батюшка не оставляет. А случись пожар, загорится внутри?

Стас промолчал.

Мы пошли к реке. Ничего не оставалось как искупаться, перекусить и — в обратный путь, который не близок. А вечером отец Николай хотел навестить дом престарелых.

— Что сначала, купаемся или едим? — спросил я.

— Едим! — утвердил батюшка, как будто заранее принял решение.

— С тяжелыми животами в воду лезть....

— Да откуда им быть тяжелыми! Два помидора и шесть яиц на четверых, — обозначил отец Николай наши запасы, которые на самом деле были значительно богаче. Потешно смотреть, "как он забрасывает себе в рот крутые яйца, будто семечки.

В приземистый «уазик» батюшка втискивается с трудом. Живот его лежит на коленях, как пуховая перина, — вздрагивает и переваливается от дорожных толчков. И все же в его богатырском облике нет ничего лишнего. При могучем расходе энергии надобно как следует заправляться. Матушка ставит перед ним после ужина литровую кружку кипяченого молока, и он всыпает в нее полпачки растворимого какао.

— Матушка, есть давай! — командует он. А пообедав, предупреждает, чтобы далеко не расходились: «Сейчас чайку попьем». Гора белого и черного хлеба тает на столе рядом с ним, как снег на припеке.

На обратном пути мы остановились накосить свежего клевера корове — заказ матушки Елены. Пока отец Николай махал косой и прошел три рядка, я у дороги в березняке насобирал ведро крепеньких белых.

Благочинный давно выпрашивал у архиерея священника для дома престарелых, наконец-то был послан в эту обитель скорбей отец Иосаф, монах преклонных лет, недавно рукоположенный в священники, а до того служивший протодиаконем в Почаевском монастыре.

К приходу священника отец Николай оборудовал небольшую домовую церковь в первом этаже дома престарелых. В вестибюле у входа останавливает отца Николая старушка, прикованная к коляске:

— Это правда, батюшка, что церква будет на втором этаже? Мы все калеки — на первом. А на втором те, что побойчее. Как же ж мы залезем по лестнице? Нас и поднять-то некому.

Отец Николай на ее вопрос не ответил, нахмурился и словно туча двинулся по коридору.

Отца Иосафа мы нашли на втором этаже возле большой палаты, откуда выносили последние вещички бывшие ее обитательницы. Он не ожидал вечернего визита, полагал к утру управиться.

— Да, — обиженно заявил он, — церковь будет здесь.

И перечислил причины, почему так решил.

— Над первым этажом есть второй, комната, а в ней бабы голые ходят. Дальше: рядом телевизор. А не положено рядом с церковью быть телевизору! Дальше: алтарь повернут не на Восток. Когда-то еще во дворе храм построят — так и служить не по правилу? Дальше: туалет напротив. А наверху ничего этого нет и воздух почище. Один раз в неделю старухи на второй этаж доберутся.

— Этому не быть! — рявкнул отец Николай. — Вы кому приехали служить, людям или себе?

— А не быть, значит, и меня здесь не будет. Возьму свой чемоданчик и дальше пойду, — смиренно заключил отец иеромонах.

Дом престарелых зашевелился, как муравейник. Событие всех переполошило. Самые проворные поползли на второй этаж. Переговаривались.

— А мы уже кровати на себе выносили...

— Батюшка сказал, нельзя, чтобы жили над церковью.

— Наш-то по сто двадцать человек причащал за воскресенье...

— Хорошо бы здесь священнику быть... Кому ж нам поисповедаться, случись что?..

Отец Николай не сказал больше ни слова и решительно зашагал прочь. За ним, едва поспевая, следовали плотники и медперсонал.

Надо было уладить экономическую сторону, объяснить с директором. Директор, покладистый человек, тоже был смущен поведением нового батюшки, который в первый же день выставил условия: обить дерматином дверь в его комнате, купить парчи красной и синей два куска, в постные дни готовить ему отдельную пищу, и псаломщицу — завтра же! — оформить медсестрой.

Отец Николай грустно покачал головой:

— Куда ж девать такого благочестивого! За штат еще рано. Бог с ним. Присосется где-нибудь...

И действительно, отца иеромонаха приютил сначала Новоспасский монастырь. Не там — стройка. Там надо землю рыть и кирпичи таскать. Там игумен непредсказуемый человек. В прошлом году запил на Крестопоклонной неделе, не просыхал до Страстной, и Пасху пришлось отменить в монастыре. Там благочестивым не место. Отец Иосаф съехал на третий день, подался, говорят, в соседнюю епархию.

Холм, на котором стоит собор, — самое высокое место в городе. Внизу разбежался и кое-где захватил черные огороды весенний паводок Стыни. Мальчишки жгут прошлогодние листья, возятся у воды, с ними собака. По песчаному склону бодро поднимается молодой человек. Явно горожанин: кроссовки, ассирийская борода, очки. Идет уверенно, как к себе домой. Позже выяснилось: он служит алтарником и живет при соборе. Частенько наезжает в Москву за книгами. Многие из тех, что, я видел, стоят на полках отца Николая, привезены из Москвы.

Имя его — Яша Хвольсон. Он уроженец южного курортного города. Но давно уехал оттуда. Теперь вот зацепился здесь — не знает, надолго ли...

С детства он понял, что будет священником, стал прислуживать в храме, петь на клиросе. И вскоре безошибочно знал службу. А знать Библию и церковную историю ему что называется, и сам Бог велел. Но епископ отказал в рукоположении Яше Хвольсону. А священнику, который рекомендовал его, давая безупречную характеристику, ответил кратко: «Не связывайся с евреями». Тогда Яша уехал подальше от родного города, оставив стареньких родителей, и поступил в духовную семинарию. Экзамены сдал блестяще. Ему уже показали койку в общежитии, его спальное место с 1 сентября. Но земля слухами полнится, и в родных его палестинах узнали о поступлении. К попечителю семинарии, к архиерею, последовал телефонный звонок. После чего попечитель приказал вернуть документы Яше Хвольсону. Увы, это был 92-й год. Уполномоченные по делам

религий уже не имели никаких полномочий. Балом в церкви уже правили не они. Сбитый с ног вероломством владык, молодой человек подался и отсюда в поисках места при храме, где бы он мог приложить свои силы — отдать их Богу и людям. Но теперь запало сомнение: нужны ли кому его силы? Те студенты-семинаристы, его ровесники, с которыми он познакомился в общежитии, уже давно заняли свои места на приходах — настоятели, игумены, кандидаты на епископскую кафедру... А его носит, как сорванный лист, теперь прибилась здесь, у этой насыпи, — кто знает, надолго ли...

Православный священник-еврей в нашей церкви — как бородавка на носу. Уж если появилась, свести любыми способами — хоть скальпелем, хоть топором. А еще лучше: появления не допустить. Попечитель семинарии известный либерал. Но если и он испугался телефонного звонка коллеги-антисемита, чего ждать от других владык, генеалогия которых начинается с пробы советского розлива.

Однако рядовой священник не испугался, хотя Яша все ему рассказал. Отец Николай оценил его возможности и поставил руководить катехизаторской группой, то есть готовить тех, кто сможет работать с людьми, просвещая их перед крещением. Яшу поселили за столярной мастерской. В его каморке много книг, раскладушка, но нет стола — некуда поставить — и нет электричества.

Да, по всему видать, отец Николай — незаурядный священник. Не потому, что он умаляет свое величие — никуда не деться от такой внешности, — а потому, что не чувствует себя начальником. Он такой же двужильный труженик, как и вся его малоимущая паства, зажатая перманентным российским беззаконием. Священника от мирянина отличает единственное — степень ответственности. За близость к алтарю Бог взыскивает со священства неизмеримо строже, чем с нашего брата-мирянина. Лишь непонимание заставляет видеть в священнике господина, форменного начальника. Что подкрепляется и ритуальной стороной: целованием руки, беспрестанным испрашиванием благословения и, главное, тем скованным, якобы смиренным состоянием, в котором оказывается церковный человек, не понимающий толком, что в церкви происходит. Непонимание порождает страхи. Смирение, которое зачастую паче гордости, не отодрать от ритуального православия.

Совсем иная картина в американской православной церкви или в польской — в других не бывал. Обрядовая сторона там мало чем отличается от нашей, отличается положение священника: в нем отсутствует кастовое превосходство. Странным образом русское православие смыкается с обрядовой стороной ветхозаветной церкви, многие служители которой при жизни Христа походили на служителей жреческого сословия.

Чем это объяснить? Византийским наследием? Или социальной пространностью, когда на месте правового сознания зияет привычная брешь? Или нашим особым благоговением перед материей, плотью, землей?.. (Недаром поймались на материализме.) Почитание творения как дела рук Божиих?.. Пушкин мимолетно выразил это состояние: «Благоговевя богомольно перед святыней красоты». Но чего больше в этом обожении мира — языческого раболепия или бескорыстного восторга? Где кончается идолопоклонство и начинается благоговение?

Отец Николай рассказывает, что в Великую субботу его осаждают прихожанки — тащат платки, чулки, даже исподнее, требуют положить «под плащаничку». Верят, что освященные на Пасху вещи снимают боль: ножную, головную и всякую прочую...

Вот и рассуди. А ведь престол так же причастен к Чаше с плотью и кровью Христа, как и рука священника, почему мы ее и целуем. То же и священник: войдя в алтарь, прикладывается к престолу. У кого же вера, а у кого суеверие? У того, наверное, кто, отдавая дань Святыне, взамен ничего не просит, в том числе и физического исцеления. Тогда как понимать чудо с кровоточивой женщиной, которая верила, что если только прикоснется к краю Его одежды?..

Я позволю себе маленькое отступление в историю, в то время, когда складывался европейский эпос, повествующий о рыцарстве, об эпохе, которая, по утверждению Бердяева, прошла мимо России. Тем более что с отцом Николаем можно обсуждать конфессиональные проблемы с любых исторических и географических точек — он не заподозрит в предубеждении.

За круглым столом короля Артура на праздник Пятидесятницы и на Пасху собирались не просто самые доблестные рыцари, но и самые великодушные, самые справедливые. (Кстати, понятие «круглого стола» — оттуда.)

Некоторым из них на пути великих подвигов как видение являлась Чаша Грааля, осиянная святой кровью, которая пребывает в ней. По преданию, эта Чаша стояла когда-то на столе Тайной вечери. Иосиф Аримафейский, пришедший на Голгофу, собрал в эту Чашу кровь Иисуса Христа. И теперь Чаша открывается самым доблестным, самым чистым. Преклонение перед кровью Христа сопряжено с рыцарством, с нравственной прививкой. Школа рыцарства прививала достоинство, отмеченное Божественным присутствием.

Рыцарские подвиги имели под собой моральную основу, сформулированную в римском праве. И только тот, кто до конца оставался верен правовым основам, удостоивался Божественного откровения.

Сначала право, потом — откровение; сначала закон, потом—Благая весть. Скажу больше: сначала дороги, проложенные Римом сквозь всю Европу, а потом— шагающие по ним вестники Слова Божия. Ни дорог, ни права в России нет по сию пору.

Европа веками приучена благоговеть перед Евхаристической чашей, образ которой угадывается в Чаше Грааля. Современные католики, участвующие в адорации, — прямые потомки тех рыцарей. В католическом храме дарохранильница с телом Христа бывает всегда доступна — взгляду, созерцанию, для размышления перед ней. Это ведь тоже поклонение плоти, пронизанной Божественным духом.

Отец Николай не сдерживает улыбки:

— Я всегда говорил, что у нас много общего с католиками. Не зря мы считаемся церквями-сестрами. За семьдесят лет, конечно, многое изменилось, многие христианские и просто добрые обычаи сползли в овраг, как наш забор вокруг храма. У нас тоже были чаша — с водой — и хлеб. Хлеб и вода — символы жизни. Они ставились на поминках в знак памяти о покойнике. А сегодня возле портрета покойника — рюмка с водкой: бессознательное выражение нашего духовного состояния, нашей символики жизни. Вокруг очень некруглого стола.

Но и вокруг очень некруглого стола теплится надежда... Может быть, опомнится Россия и с концом света Провидение повременит? Ведь сколько добротного материала отпущено на этого верного пастыря помимо решительного голоса и широкого жеста.

В городе он заметная фигура. Так или иначе, но с ним считаются. Политические, общественные течения бурлят водоворотами в сегодняшнем паводке, подтопившем не только черные огороды.

Заявляются коммунисты:

— Зачем я вам нужен? — говорит священник. — Вы же отрицаете Христа. Ваша вера глубоко противна христианской.

Представители от коммунистов обещают:

— Но мы хороших священников трогать не будем.

Нацисты высказались прямо:

— Для элиты у нас будет православие, а для простого народа — язычество.

— Приходили и язычники, но несли такую околесицу, что передать их бред невозможно, — добродушно заключает отец Николай.

Но все отметились. Все. Возле церкви... У знаменитого собора, как пробегающие мимо собаки у телеграфного столба.